

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

САЙМОН
СКЭРРОУ

НЕПОБЕЖДЕННЫЙ

Москва
2017

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44
С46

Simon Scarrow
INVICTUS

Copyright © 2016 Simon Scarrow

Оформление серии *Андрея Саукова*
Иллюстрация на переплете *Павла Трофимова*

Скэрроу, Саймон.
С46 **Непобежденный / Саймон Скэрроу ; [пер. с англ. М. Новыша]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Исторический роман).**

ISBN 978-5-699-99591-2

Рим, период ранней Империи. Префект преторианской гвардии Катон и его друг центурион Макрон вернулись с победой из Британии. Но невесело у них на душе – родив сына, скончалась прекрасная супруга префекта, которая, как теперь выясняется, изменяла мужу при жизни и наделала неподъемных для солдата долгов. Однако на этот раз Рим не узнает, каков Катон в гневе: его, не успевшего даже чуть-чуть отдохнуть, посылают в Испанию, подавлять восстание рабов. Может, хоть это отвлечет префекта от ярости и мрачных мыслей... Не тут-то было: испанскую экспедицию возглавил жестокий интриган сенатор Вителлий, и он явно не просто так собирает «под орлов» вдали от Рима всех своих главных врагов...

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-99591-2

© Новыш М., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

*Посвящается Луизе
LMLX*

СПИСОК ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

В Риме:

Квинт Лициний Катон, префект
Луций Корнелий Макрон, центурион
Император Тиберий Клавдий Август Германик
Агриппина, четвертая жена Клавдия
Нерон, сын Агриппины и внучатый племянник Клавдия
Британик, сын Клавдия от третьей жены, Мессалины
Нарцисс, грек, императорский вольноотпущенник, сторонник Британика
Паллас, грек, императорский вольноотпущенник, любовник Агриппины и сторонник Нерона
Легат Авл Вителлий, сторонник Нерона
Луций Анней Сенека, сенатор и богатый землевладелец
Луций Скабар, хозяин таверны
Гай Ганник, гвардеец
Полидор, распорядитель Императорского Двора

На руднике:

Гай Непон, прокуратор, ответственный за поставку серебра в империю

Вторая когорта преторианской гвардии:

Центурионы Плацин, Секунд, Порцин, Петиллий, Муса, Пульхр

Гай Гетелл Цимбер, магистрат города Ланция
Метелл, опцион в центурии Пульхра
Сентиак, опцион в центурии Петиллия
Пастерикс, опцион под началом Непона
Коллен, опцион четвертой когорты преторианской гвардии

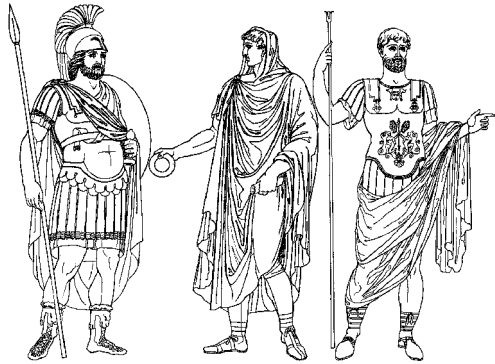
Другие:

Искербел, вождь бунтовщиков
Каратак, плененный британский вождь племени катувеллаунов
Юлия, покойная жена Катона
Луций, сын Катона и Юлии
Семпроний, сенатор, отец Юлии
Петронелла, кормилица Луция
Аматап, домоправитель дома Юлии
Тит Пелоний Авфидий, магистрат Астурии Августы
Каллек, бунтовщик
Публий Баллин, губернатор Тарраконской Испании
Кай Глеций, глава гильдии торговцев оливковым маслом
Мик Эскей, работороговец
Гай Геттий Гордон, старший магистрат Анция Барки

И я, попав в тиски беды,
Не дрогнул и не застонал.
И под ударами судьбы
Я ранен был, но не упал.

Тропа лежит средь зла и слез,
Дальнейший путь неясен — пусть!
Препятствий, трудностей и бед
Я, как и прежде, не боюсь.

*Уильям Эрнест Хенли,
Непобедимый*

ПРОЛОГ

*Провинция Тарраконская Испания,
начало лета 54 г. от Р. Х.*

Когда заключенного, моргающего от яркого солнечного света, заливавшего форум в центре Астурики Августы, выволокли наружу, раздались гневные крики. Его больше месяца держали в цепях, в одной из сырых и холодных камер под зданием сената, где он ожидал возвращения римского магистрата из его сельского имения, дабы тот произнес приговор. И теперь магистрат стоял на ступенях у здания сената, окруженный городской знатью в дорогих тогах и вышитых туниках, уже готовый вынести приговор. В толпе, как и у самого заключенного, не было особых сомнений насчет того, что они услышат.

Искербел ударил представителя власти, пришедшего в его поселение, чтобы потребовать рабов в уплату долга перед сказочно богатым римским сенатором. И представитель власти погиб на глазах сотен свидетелей и воинов-аук-

силариев¹, сопровождавших злополучного вольноотпущенника, явившегося за долгом. Не имело значения, что представитель власти только что приказал схватить десятерых детей, как и то, что удар был нанесен в состоянии аффекта. Искербел был могучим мужчиной с глубоко посаженными черными глазами, сверкающими из-под массивных бровей. Он просто ударил вольноотпущенника кулаком в лицо, и тот упал навзничь. Ударился затылком о каменный желоб для воды, отчего его череп раскололся. Жестокая усмешка судьбы, ставшая еще более жестокой, когда командир ауксилариев приказал взять под стражу не только главу поселения, но и его детей. Дети тоже ожидали своей судьбы; их должны были продать в рабство, а Искербелу предстояло предстать перед судом и быть подвергнутым публичной казни.

Последний раз он видел свою жену, когда две его юные дочери уткнулись, плача, в складки ее туники. Она в отчаянии обнимала их. За дневной переход арестованных доставили в Астурику Августу, где Искербела заковали в цепи, а его детей приковали к колонне, где приговоренные ожидали отправки в столицу провинции, Тарракон, где их должны были продать на огромном невольничьем рынке. С тех пор он голодал, поскольку его едва кормили, а тяжелые железные кандалы натерли ему запястья и лодыжки до кровавых язв. Его волосы засалились, он был испачкан в собственных нечистотах настолько, что десятеро стражников избегали приближаться к нему, подталкивая его вперед кончиками копий. Искербел шел, спотыкаясь, к ступеням, на которых собралась городская знать.

Гневные крики горожан и пришедших в город селян стали стихать, когда они увидели, в каком жалком состоянии пребывает арестованный. К тому времени, когда его остановили у ступеней лестницы, на форуме воцари-

¹ Ауксиллии — воинские соединения, набранные из народов покоренных Римом территорий, ауксиларии — члены таких соединений.

лось мрачное молчание. Даже те, кто стоял у торговых прилавков, на дальнем конце форума, прервали свои дела и поглядели в сторону здания сената, поддавшись общей атмосфере напряжения.

— Ну, ты, стой прямо! — прошипел один из стражников, ткнув пяткой копья в зад арестованному.

Искербел пошатнулся, сделав полшага вперед, и выпрямился, гневно глядя на магистрата. Командующий стражниками центурион прокашлялся.

— Достопочтенный Тит Пелоний Авфидий, магистрат Астурики Августы! — прокричал он, тренированным на плацу голосом. — Вверяю тебе Искербела, главу поселения Гуапацина, дабы вершил ты суд по обвинению его в убийстве Гая Демокла, поверенного римского сенатора Луция Аннея. Убийство свершилось в иды предыдущего месяца, в том свидетель я и воины, назначенные для охраны Демокла. Ныне он ожидает твоего правосудия.

Центурион резко опустил подбородок в поклоне и шагнул в сторону. Магистрат спустился на несколько ступеней ниже, отделившись от стоящих на лестнице местных сенаторов и чиновников города, но так, чтобы стоять выше собравшейся толпы. Оглядывая лица собравшихся, Авфидий сделал презрительное лицо. Нет сомнения, что толпа настроена враждебно. Судя по простецкой одежде и неухоженным волосам, среди них немало селян из того поселения, которое возглавлял арестованный. Вряд ли они будут довольны тем, что случится. Могут возникнуть неприятности. Магистрата успокаивал тот факт, что в качестве меры предосторожности он заранее приказал остальным ауксилариям быть наготове, на улице рядом со зданием сената. Хотя первый римский император, Август, и провозгласил умиротворение Испании почти век назад, это случилось лишь после двух столетий войн. До сих пор оставались племена на севере, которые отказались преклонить колена пред Римом, а многие другие были в лучшем случае строптивы, втайне мечтая сбросить иго Рима, оказавшееся столь тяжелым. В самом деле, по-

думал Авфидий, просто удивительно, как такие гордые и воинственные народы вообще приняли навязанный им римский мир. Миролюбие просто не в их природе.

Именно поэтому ими следует править железной рукой. Авфидий гневно сморщил лоб.

— Нет сомнения в том, что ты совершил преступление. Этому есть достаточно свидетельств. Таким образом, я обязан вынести смертный приговор. Однако прежде, чем сделать это, во имя римского правосудия я даю приговоренному последний шанс молить о пощаде за его поступок и примириться с этим миром до того, как он отойдет в мир теней. Искербел, желаешь ли ты сказать свое последнее слово?

Глава поселения выставил подбородок, сделал глубокий вдох и заговорил громко и отчетливо:

— Римское правосудие? Плевал я на римское правосудие!

Центурион уже замахнулся, чтобы ударить арестованного кулаком, но магистрат махнул рукой, останавливая его.

— Нет! Позволь ему говорить. Позволь ему самому еще более показать свою вину в глазах закона и перед лицом этих людей!

Воин неохотно опустил руку. Искербел презрительно скривил губы, прежде чем заговорить снова.

— Естественным правосудием была смерть этого вольноотпущенника, проклятого сына шлюхи. Он пришел в наше поселение, чтобы забрать наше зерно, наше масло, все, что у нас есть, что имеет хоть какую-то цену. Когда мы отказались выполнять его требования, он угрожал, что заберет наших детей. Коснулся рукой одного из сыновей нашего народа, и тогда я умертвил его. Случайно, не имея такого намерения.

Авфидий покачал головой.

— Это не имеет значения. Потерпевший исполнял свои законные обязанности. Взял долг по поручению своего хозяина.

— Того хозяина, который дал в долг нашему поселению, три года назад, когда случился неурожай. И который каждый год повышал лихву так, что мы уже никогда не смогли бы расплатиться с долгом.

Магистрат пожал плечами.

— Возможно, и так, но это законно. У вас было соглашение с сенатором Аннеем, заключенное через его поверенного. Ты знал его условия, ставя на нем свою печать от имени твоих селян. Таким образом, сенатор действовал в соответствии с законом, требуя полной выплаты долга.

— Полной, да еще с лихвой. Которая составила почти половину размера самого долга! Как мы можем с ним расплатиться? И не одни мы стали жертвой этого мерзкого пса.

Искербел повернул голову, обращаясь к толпе:

— Вы все знаете того, кого я убил. Мерзкого Демокла, который обманул не только народ моего селения, но и других почти всех селян этой области. Его люди уже схватили сотни человек из нашего племени, когда те не смогли расплатиться с его хозяином. Большую их часть приговорили к работам на рудниках, в горах. Там они будут работать, пока не умрут от изнеможения или не будут похоронены заживо в обрушившихся тоннелях. Не требуется и напоминать, какой ужас творится на этих рудниках!

Авфидий улыбнулся.

— Но ты все-таки решил напомнить. Искербел, всем хорошо известна судьба тех, кого приговорили к рудникам. Однако это вполне заслуженное наказание для всех, кто нарушил закон.

— Ха! Тебе ли говорить о законе. Законе, который принесли нам римляне на остриях мечей. Законе, служащем лишь инструментом для оправдания кражи нашего золота, нашего серебра, наших земель, наших домов, нашей свободы. Римский закон — оскорбление закона природы, бич, вышибающий из нас остатки нашей чести.

Искербел умолк, гневно глядя на толпу.

— Есть ли здесь те, кто столь низок, что вынесет этот позор? Неужели все вы — лишь шелудивые псы, опустив-

шиеся до того, чтобы выпрашивать объедки и лизать ноги тем, кто морит вас голодом и хлещет кнутом, добиваясь полнейшей покорности? Неужели здесь нет никого, кто способен противостоять римской тирании? Никого?

— Долой Рим! — закричал кто-то в толпе.

Все начали смотреть по сторонам. Крик подхватил кто-то еще, людской гнев разгорался.

— Смерть Авфидию! — выкрикнул мужчина, стоявший в первых рядах, потрясая кулаком. Он был крепкого сложения, с лысиной, окруженной редкими волосами. На нем был пастушеский плащ, смотанный и обернутый вокруг пояса. Мужчина принялся выбрасывать кулак вверх, повторяя свои слова, и к нему стали присоединяться стоящие поблизости.

Магистрат отшатнулся и резко повернулся к центуриону.

— Исполни приговор. Уведи его отсюда! Быстро!

Центурион кивнул и прокашлялся.

— Конвой! К арестованному, сомкнись!

Вскинув щиты и копья, ауксиларии встали стеной вокруг Искербела, а центурион взялся свободной рукой за конец цепи, свисающей с шеи арестованного, и резко дернул.

— Пошел.

Они двинулись вдоль ступеней, ведущих к зданию сената, пробираясь к краю форума, чтобы выйти на улицу, ведущую к восточным воротам города. За ними виднелся невысокий холм с пологими склонами, на вершине которого казнили осужденных на смерть. Глянув поверх черепичных крыш, Искербел разглядел крохотные фигурки судебного отряда, который заранее отправили туда, чтобы собрать крест, на котором он будет распят, и вырыть под него яму. Но тут последовал болезненный рывок цепи. Центурион потащил его на узкую улочку.

Как и в большинстве римских поселений, улицы Астурики Августы образовывало множество домов с небольшими лавками на первом этаже, поверх которых были

выстроены дополнительные этажи, чтобы вместить быстро растущее население.

Центурион рявкнул, приказывая стоящим на улице освободить дорогу, и горожане поспешно рассыпались в стороны. Женщины хватали детей, старики неловко взбились на тротуары. Толпа с площади ринулась следом за приговоренным и его охраной, гневные крики людей наполнили душный воздух оглушительным шумом, отражаясь от стен. Центурион обернулся, глянув на приговоренного, и оскалился.

— Твои сородичи притихнут, когда увидят тебя прибывшим к кресту.

Искербел не стал отвечать, сосредоточившись лишь на том, чтобы не упасть оттого, что его тащат по мощенной камнем улице. Ауксиларии расталкивали в стороны зевак, столпившихся на тротуаре.

— За что его? — спросил центуриона пожилой мужчина с морщинистым лицом.

— Не твоё собачье дело, — отрезал центурион. — Освободить дорогу!

— Это Искербел, — ответила старику толстая женщина.

— Искербел? Вождь Искербел?

— Ага, казнят беднягу. За то, что ростовщика убил.

— Казнят?

Старик плюнул в сточную канаву, у ног ауксилариев.

— Это же не преступление. Не должно им быть.

Женщина вскинула кулаки.

— Отпустите его! Псы римские. Отпустите его!

Стоящие по обе стороны улицы быстро подхватили ее клич, который быстро распространился по всей улице. Вскоре оглушительный рев толпы стал единственным, что слышали Искербел и воины, конвоирующие его. Вождь не удержался от едва заметной удовлетворенной улыбки, хотя и шел навстречу мучительной смерти. Люди его племени, как и многие другие из населяющих эти земли, пришедшие жить в города, сохранили в себе дух сопротивления завоевателям, с которыми они сражались на